

С Е М Ь

СОБСТВЕННОРУЧНЫХЪ

ПИСЕМЪ И ЗАПИСОКЪ

КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО

къ

ГРАФУ П. А. РУМЯНЦОВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ

(1769—1788).

съ предисловіемъ и примѣчаніями

АЛЕКСАНДРА БАРСУКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1902

С Е М Ь

СОБСТВЕННОРУЧНЫХЪ

ПИСЕМЪ И ЗАПИСОКЪ

КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО

къ

ГРАФУ П. А. РУМЯНЦОВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ.

(1769—1788).

съ предисловіемъ и примѣчаніями

АЛЕКСАНДРА БАРСУКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА, ВАС. ОСТР., 5 л., 28.

1902

Печатано по распоряженію Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель **Графъ С. Шереметевъ.**

СЕМЬ СОБСТВЕННОРУЧНЫХЪ ПИСЕМЪ И ЗАПИСОКЪ КНЯЗЯ
Г. А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО
къ
ГРАФУ П. А. РУМЯНЦОВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ.
(1769—1788).

Идетъ уже второе столѣтiе со дня кончины Потемкина, а у насъ все еще какъ бы не сталкивались относительно оцѣнки этого необыкновеннаго человѣка, вызваннаго въ широкой государственной дѣятельности гениемъ Великой Екатерины. Мы и доселѣ пробаваемся лишь „анекдотами“ о немъ, часто сомнительнаго происхожденiя...

А между тѣмъ, по опредѣленiю самой Екатерины, Потемкинъ былъ „человѣкъ высокаго ума, рѣдкаго разума и превосходнаго сердца; мысли его всегда были устремлены въ великому..... Имъ никто не управлялъ, но самъ онъ удивительно умѣлъ управлять другими..... У него былъ смѣлый умъ, смѣлая душа, смѣлое сердце..... Онъ былъ великiй человѣкъ, который не выполнилъ и половины того, что былъ въ состоянiи сдѣлать“ Безсмертный Суворовъ говорилъ о Потемкинѣ: „великiй человѣкъ — великъ умомъ, великъ и ростомъ“ А митрополитъ Московскiй Платонъ, — что это былъ „человѣкъ необыкновенный“.

Даже и при такихъ вѣскихъ свидѣтельствахъ, общее мнѣнiе до сихъ поръ расположено скорѣе не въ пользу Потемкина, какъ

это было и при его жизни. Объясняется это прежде всего странностями Потемкина и удивительными противорѣчіями въ характерѣ его. По отзывамъ современниковъ, Потемкинъ, представляясь лѣнивцемъ, трудился непрестанно; вѣчно лежалъ на софѣ, но спалъ мало; беспокоился, когда опасности еще не было, и веселился, когда она настала; унывалъ въ удовольствіяхъ; чувствовалъ себя несчастнымъ отъ того, что былъ счастливъ; онъ былъ глубокомысленный богословъ и философъ, искусный министръ, тонкій политикъ и въ тоже время — капризный, избалованный девятилѣтній ребенокъ; охотно принималъ безчисленные денежные награжденія и тотчасъ же отдавалъ ихъ другимъ; больше любилъ раздавать деньги, чѣмъ платить долги; бесѣдовалъ о богословіи съ генералами, а о военныхъ дѣлахъ съ архіереями... Утопя въ роскоши и сладостяхъ міра сего, постоянно мечталъ о монашествѣ и однажды совсѣмъ было удалился въ Александро-Невскій монастырь, отпустилъ бороду и надѣлъ монашеское одѣяніе. То онъ сносится съ ученымъ англійскимъ лордомъ и посылаетъ ему „нѣкія греческія книги“, то восхищается Пиндаромъ и хлопочетъ о переводѣ его на русскій языкъ. Печатаетъ своимъ издвигеніемъ „для пользы общества“ Странствованія Барскаго по Святымъ Мѣстамъ Востока, углубляется въ составленіе „Канона Спасителю“ Погруженный въ обсужденіе какого-либо сложнаго политическаго вопроса, онъ вдругъ бросалъ его, увлекшись музыкой или какимъ-нибудь стихотвореніемъ.

Потемкинъ, между прочимъ, отличался большою начитанностію. Онъ особенно любилъ читать по ночамъ и нерѣдко при самой оригинальной обстановкѣ. Въ имѣніи Рачинскихъ, извѣстномъ селѣ Татевѣ, сохраняется перевезенный изъ ихъ другой Смоленской усадьбы старый билліардъ, на которомъ, по семейному преданію, не разъ спалъ Потемкинъ... С. А. Рачинскій рассказывалъ графу С. Д. Шереметеву (*Татево*. М., 1900, стр. 15), что „Потемкинъ любилъ просторъ, и кровати были ему тѣсны, онъ и выбралъ себѣ билліардъ, находившійся въ библіотекѣ дѣда. По ночамъ любилъ онъ читать, — возьметъ книгу, другую и, слѣдя за развитіемъ того, чтò его интересовало, искалъ разъясненія въ другихъ книгахъ, на которыя указывалось въ ссылкахъ, и когда про-

нивали въ Потемкину утромъ, находили его лежащимъ на биллиардѣ, окруженнымъ грудю книгъ“

Вообще, характеръ Потёмкина, можно сказать, сотканный изъ всевозможныхъ противорѣчій и причудливыхъ особенностей, нелегко поддается описанію, а потому понятно, что мы и донынѣ не имѣемъ еще надлежащаго жизнеописанія этого знаменитаго споспѣшника славы Екатерины Великой, государственнаго мужа, которому Россія обязана приобрѣтеніемъ благословенной Тавриды.

Будемъ надѣяться, что мы дождемся наконецъ достойнаго біографа князя Потемкина-Таврическаго, а пока постараемся подготовить для него матеріалы.

На первый разъ, предлагаемъ семь собственноручныхъ писемъ и записокъ Потемкина къ графу П. А. Румянцову, извлеченныхъ изъ Сборника автографовъ, принадлежавшаго покойному президенту Императорской Академіи Наукъ графу Д. А. Толстому. Они относятся къ эпохѣ Екатерининскихъ Турецкихъ войнъ.

Къ сожалѣнію, изъ предлагаемыхъ документовъ только два имѣютъ полныя даты. Въ этомъ отношеніи Потемкинъ былъ неисправимъ, не взирая и на то, что сама Екатерина выражала досаду, что „онъ забываетъ ставить числа на письмахъ“

Даты, опредѣленныя по догадкѣ или по признакамъ, поставлены въ скобкахъ.

Александръ Варсуковъ.

1.

Ежели вы, батюшка, намѣрены почевать въ Лобазнѣ, то къ обѣду мы васъ ожидать будемъ въ Чертановѣ, гдѣ и шатибрь готовъ. Покорнѣйшій и вѣрный слуга Г. Потемкинъ.

(1769 г., послѣ 16 сентября).

2.

Я, Милостивый Государь, съ несказанной чувствительностію припялъ милость вашу ко мнѣ, въ писмѣ къ Ея величеству изображенную. Свидѣтельство таковое есть наивящимъ для меня награжденіемъ, ибо память пребыванія моего подъ вашимъ предводительствомъ будетъ честью мнѣ и съ потомствомъ. Обыкши чувствовать благодарность въ сердцѣ, сокращаюсь сказать на словахъ, что я по смѣрти непоколебимо пребуду вашего сіятельства, Милостиваго Государя! покорнѣйшій слуга Г. Потемкинъ.

(1770 г., послѣ 9 сентября).

3.

Сіятелвѣйшій Графъ!

Милостивый Государь!

Препровождаю у сего высочайшее повеленіе по дѣламъ въ вѣраннымъ и указъ на деревни осталныя за пожалованіемъ Гомельскаго староства. Желаю, чтобъ вы нашли въ семъ столко удовольствія, сколько я имѣю, васъ поздравляя.

Будте милостивы, какъ отецъ, къ моимъ племянникамъ, которые тепѣрь у васъ находятся, да вѣртѣ, что я по смѣрти неложный вашего сіятельства, Милостиваго Государя! Покорнѣйшій слуга Князь Потемкинъ.

6 іюня 1778 г.

4.

Сіятелвѣйшій Графъ!

Милостивый Государь!

Не нанесъ ли я вамъ неудовольствія взятіемъ дву ротныхъ командъ къ полкамъ моей команды. Ежели бы то было, простите мнѣ неумышленную мою ошибку. Я, не считая въ нихъ надобности у васъ, приказалъ присоединить къ полкамъ, какъ для того, что командиры, часто показывая людей въ оставшихъ ротахъ, скрываютъ наличное число; а при томъ я намѣренъ ихъ оставить въ гарнизонѣ Херсонскомъ и другихъ мѣстъ, на случай движенія полковъ. Генералу Текелію съ его деташементомъ приказалъ явиться въ команду князя Николая Васильевича. Новости, какія у меня есть изъ Царя града, препровождаю у сего. Я считалъ, что ваше сіятельство ихъ получаете и для того не присылалъ.

Здѣсь, благодаря Бога, все спокойно обошлось, кромѣ что чума генерално во всемъ Крыму, опричь Козловскаго уѣзда.

На протчія повеленія вашего сіятелства я донесу послѣ. Не имѣя при себѣ всехъ людей Канцеляріи, не могу тепѣрь здѣлать выправку.

Ежели бы, паче чаянія, нанесъ вамъ досаду, я паки прошу меня извинить и вѣрить, что никто искреннѣе меня къ вамъ не привязанъ. Вашего сіятельства, Милостиваго Государя, покорнѣйшій слуга Князь Потемкинъ.

іюля 12 дня 1783. Лагерь при Карасбазарѣ.

5.

Нѣжинъ, 3 іюля (1784 г.).

Не приминулъ бы я заѣхать посетить васъ, милостивый Государь, зная о болѣзни вашей, но скоропостижное увѣдомленіе о смѣрти Алекс. Дми. Ланскова понуждаетъ меня поспѣшить въ Питербургъ. Отъ безпокойствъ и непріятнаго случая Государыня не въ лучшемъ здоровьѣ. Извините, милостивый Государь, по причинамъ, столь меня нудящимъ. Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя, покорнѣйшій слуга Князь Потемкинъ.

6.

И нарочно прїѣхать, батюшка Графъ Петръ Александровичъ, видѣть васъ въ мѣстѣ вашего пребыванія была бы для меня прїятная причина. Тепѣрь я въ близости, но обстоятельства отводятъ меня отъ сего удовольствія. Но вѣрте, милостивый Государь, что я сердцемъ съ вами и пребуду нелицемѣрно во всю жизнь вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Князь Потемкинъ.

(1785—86 г.).

Записка была сложена конвертомъ и на свободной сторонѣ рукою же Потемкина адресъ:

Его Сіятелству!

Милостивому Государю

Графу Петру Александровичу

Румянцову.

7.

Здѣсь я употребляю и терпѣніе и пушки, но непріятель, будучи запасенъ всею, укрѣпленъ господиномъ Лафитомъ хорошо и, въ виду у себя имѣя многочисленной флотъ, не здаіотся да и не смѣетъ. Диздаръ или комендантъ согласился съ лучшими изъ жителей предложить о здачѣ, но ему и двумъ еще почотнымъ Туркамъ отрубили головы, а третій ага къ вамъ ушолъ. Вотъ, батюшка, Милостивый Государь, мое здѣсь положеніе, при большихъ нуждахъ во всею: ни травы, ни дровъ, ни воды. Остается крайность, которая имѣетъ и неудачу, а и при удачѣ часто бываетъ съ убыткомъ. Капитанъ-паша былъ прежде простымъ зрителемъ, но нынѣ, при всякой канонадѣ, съ бомбардами своими подходитъ къ нашему берегу, диверсію дѣлать. Отъ Бендеръ непріятель грозитъ притить на помощь, да уже сильные отдѣляетъ отряды по Кодымъ. Приходилъ до Балты и въ Липецко, а предъ тѣмъ—отъ Дубосаръ до Окна, а нынѣ опять въ Липецко. Нападаль на наши пикеты, кои въ сихъ были мѣстахъ. О нынѣшнемъ

его приходѣ въ Липецко еще не знаю, чѣмъ кончится. Готовятъ отъ Акермана. Написано сюда: быть готову на всіо. И трудно, и не по силамъ. Естли, батюшка, находите уже прежнее положеніе дѣйствовать вамъ между Днѣстра и Буга лутчимъ, то колми паче я. Оно бы сохранило наши границы безъ всякаго на то обращенія войскъ. Прикрыло бы здѣшную осаду и по удаче могли бы войска соединенныя добыть Перейму, или одна армія выше, другая — ниже Бендеръ. Сей планъ былъ мой немудренъ, но усердень. Зачали противъ его кричать, домогаться о перемѣнѣ. Чрезъ союзника я долженъ былъ перемѣнить свои мысли въ избежаніе упрітковъ и никто острѣе не чувствуетъ столько тягости, сколько я. Вся надежда на Бога.

Объ императорѣ я знаю только, что онъ пушками перестреливается черезъ пять дней на постахъ своихъ съ Турками, въ обружностяхъ Каранчебеса. Я видѣлъ письмо, гдѣ онъ негодуетъ (на) Вартенслебена, что онъ кинулъ *) мѣсто укрѣпленное, безо всякаго принужденія; а другой генераль, стоявшій въ засѣкахъ, для отнятія комуникаціи непріятелю съ Дунаемъ, оставилъ постъ свой, состоящій въ 9-ти баталіонахъ пѣхоты и 8 конницы, не выдавъ ни одного Турка, и отретировался къ Темшвару. Цесарь надѣется поправить хорошей баталіей, но еще еио нѣтъ. А капитанъ-паша на флотѣ здѣлалъ палбу ужасную и публиковалъ, что они у императора Корону и всѣ города, опричь одного, гдѣ онъ держится, побивъ множество войска и генераловъ троиухъ, взяли въ полонъ. Много налгано, а довольно бы и правды.

Я, батюшка, не знаю никакихъ предположеній далнихъ, опричь того, что предписано съ начала. И о себѣ еще пока не рѣшиться мнѣ или, иначе, не могу сказать, какое возму разположеніе. Увѣдомте меня, куды обратили корпусъ Г. Ив. Петровича и на чьихъ рукахъ останется Хотинъ. На сихъ дняхъ будетъ въ гости сюда Князь Линь. Къ вамъ я съ непремѣнною во вѣкъ привязанностію вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Кн. Потемкинъ Таврическій.

29 сентября (1788 г.).

*) Слово не разбрано.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ № 1-му.—Эта походная записка къ Румянцеву могла быть написана въ 1769 году, послѣ 16 сентября, когда тотъ принялъ командованіе 1-ю арміею отъ князя Александра Михайловича Голицына, у котораго Потемкинъ служилъ съ весны того же года, то есть съ самаго приѣзда волонтеромъ на театръ военныхъ дѣйствій.

Къ № 2-му.—По окончаніи кампаніи 1770 года, когда большая часть арміи стала на зимнія квартиры, Потемкинъ отпросился въ Петербургъ. Одновременно съ этимъ, Румянцевъ послалъ императрицѣ Екатеринѣ, можетъ быть, съ самимъ Потемкинымъ письмо, отъ 9 сентября 1770 года, въ которомъ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ описаніяхъ прошедшимъ дѣйствіямъ Ваше Императорское Величество видѣть соизволили, сколько участвовалъ въ оныхъ своими ревностными подвигами генераль-маіръ Потемкинъ; не зная, что есть быть побужденному на дѣло, онъ самъ искалъ отъ доброй своей воли вездѣ употребиться. Сколько сія причина, столько другая, что онъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы ведемъ войну, съ примѣчаніемъ обращался, и въ состояніи подать объясненія относительно до нашего положенія и обстоятельствъ сего края, преклонили меня, при настоящемъ концѣ кампаніи, отпустить его въ Санктпетербургъ во удовольствіе его просьбы, чтобы пасть къ освященнымъ стопамъ вашего Императорскаго Величества“ (Архивъ Военно-Походной Канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. Ч. II, стр. 112). Эта выписка достаточно опредѣляетъ время написанія письма Потемкина къ Румянцеву, подъ № 2.

Къ № 3-му.—Племянники Потемкина, за которыхъ онъ просить въ письмѣ, были: 1) Александръ Николаевичъ Самойловъ, — сынъ старшей его сестры Марьи Александровны, — извѣстный впоследствии генераль-прокуроръ и 2) Василій Васильевичъ Энгельгардтъ, — сынъ второй его сестры Марѣи Александровны, — впоследствии сенаторъ.

Къ № 4-му.—Вслѣдъ за присоединеніемъ къ Россіи Крыма, о чемъ возвѣщено было манифестомъ, отъ 8 апрѣля 1783 года, Потемкинъ отправился въ новоокоренный край, для устройства его и принятія присяги на подданство Россіи оставшихся на мѣстѣ Татаръ. Румянцовъ именовался еще главнокомандующимъ Украинскою арміею, но въ дѣйствительности всѣмъ распоряжался уже Потемкинъ. Это видно и изъ настоящаго письма съ извиненіями, очевидно формальными, изъ приличія. Упоминаемый въ письмѣ, Сербскій уроженецъ генералъ Петръ Абрамовичъ Текеллій во вторую Турецкую войну командовалъ войсками на восточномъ берегу Чернаго моря, а князь Николай Васильевичъ Рѣпинъ командовалъ, въ 1782—83 г., резервнымъ корпусомъ, расположеннымъ въ Польшѣ.

Къ № 5-му—Александръ Дмитріевичъ Ланской скончался 25 іюня 1784 года. Этимъ опредѣляется годъ написанія письма Потемкина. Кончина Ланского такъ поразила Екатерину, что она серьезно занемогла. По мнѣнію доктора Рожерсона, физическое состояніе Императрицы должно было скорѣе поправиться, но что нужнѣе всего стараться объ истребленіи ея печали и всякаго душевнаго безпокояства. „Къ сему—писалъ Безбородко Потемкину, отъ 28 Іюня 1784 года,—одно намъ извѣстное есть средство, это скорѣйшій пріѣздъ вашей свѣтлости, прежде котораго не можемъ мы быть спокойны. Государыня меня спрашивала, увѣдомилъ ли я васъ о всемъ происшедшемъ, и всякій день навѣдывается, скоро-ль ожидать васъ можно“ (*Григоровичъ*. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко. Т. I. Спб. 1879, стр. 103).

Къ № 6-му —Записка эта, вѣроятно, была написана въ 1785 или въ 1786 году, когда Потемкинъ, озабоченный приготовленіями къ предстоявшему путешествію Екатерины въ Крымъ, довольно часто пріѣзжалъ въ Кременчугъ и въ Кіевъ и дѣйствительно находился по близости мѣстопребыванія Румянцова, въ селѣ Тишани, подъ Кіевомъ.

Къ № 7-му.—Во вторую Турецкую войну Потемкинъ командовалъ Екатеринославскою арміею, а Румянцовъ—Украинскою. Настоящее письмо послано изъ-подъ Очакова, въ 1788 году 29 сентября, и весьма живо изображаетъ, въ какомъ трудномъ положеніи находился Потемкинъ, измученный затянувшеюся осадой этой крѣпости, отлично укрѣпленной французскимъ инженеромъ Лафитомъ. Въ письмѣ находимъ любопытныя подробности о дѣйствіяхъ нашихъ союзниковъ Австрійцевъ, о самомъ Римскомъ цесарѣ Іосифѣ II-мъ и его генералѣ графѣ Вильгельмѣ-Людвикѣ Варгенслебенѣ. Потемкинъ спрашиваетъ Румянцова о корпусѣ графа Ивана Петровича Салтыкова и увѣдомляетъ, что ожидаетъ къ себѣ извѣстнаго принца Де-Линя, ѣхавшаго къ нему, подъ Очаковъ, въ качествѣ военно-дипломатическаго агента Австріи.

